

Д.А. Бадалян

Петр I и его реформы в исторической памяти славянофилов и западников*

В статье рассмотрены представления о Петре I и его реформах, формируемые через периодическую печать славянофилами и западниками. Отмечены случаи близости их взглядов. Однако печатная полемика, вероятно, стимулируемая усилиями III отделения, побуждала оппонентов к созданию искаженного взгляда на славянофилов как безусловных антагонистов петровских реформ. Подобный взгляд отчасти нашел отражение и в современной научной литературе

Ключевые слова: славянофилы, западники, Петр I, реформы, историческая память, история периодической печати, русские журналы, журнальная полемика.

D.A. Badalian

Peter I and his reforms in the historical memory of Slavophiles and Westernizers

The article examines the ideas about Peter I and his reforms, formed through the periodicals by Slavophiles and Westernizers. Cases of closeness of their views were noted. However, the printed polemic, probably stimulated by the efforts of the Third Department, prompted opponents to form a distorted view of the Slavophiles as unconditional antagonists of Peter's reforms. This view is partly reflected in modern scientific literature.

Keywords: Slavophiles, Westernizers, Peter I, reforms, historical memory, history of periodicals, Russian journals, journalistic struggle.

1830–1840-е гг. – не только период, в который состоялось разделение русского общества на два противоборствующих направления – славянофилов и западников, но и время формирования в исторической памяти обеих группировок образов императора Петра I как реформатора и творца новой русской культуры (в том

* Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект № 20–011–42018.

числе – книжной). С тех пор отношение к петровским реформам воспринимается едва ли не как важнейший индикатор отличия позиций двух групп. Определить, с чем связан такой подход и оправдан ли он сегодня – цель настоящей публикации.

Публицистика, сфера периодической печати, а если взглянуть шире, книжная культура – один из важнейших инструментов формирования исторической памяти. И потому в данном случае основным источником исследования являются публикации славянофилов и западников в периодике.

Первым, кто попытался охарактеризовать славянофилов через их отношение к реформам Петра I, был П.Я. Чаадаев. В «Апологии сумасшедшего» от имени «новой школы», т.е. славянофилов, он заявлял: «Больше не нужно Запада, надо разрушить создание Петра Великого, надо снова уйти в пустыню». И уже от собственного лица возражал: «Забыв о том, что сделал для нас Запад, не зная благодарности к великому человеку, который нас цивилизовал, и к Европе, которая нас обучила, они отвергают и Европу, и великого человека, и в пылу увлечения этот новоиспеченный патриотизм уже спешит провозгласить нас любимыми детьми Востока» [1]. Между тем, на рубеже 1836–1837 гг. еще не было напечатано ни одной славянофильской статьи.

Однако отношение славянофилов к деяниям первого русского императора не было настолько вульгарно упрощенным, чтобы трактовать его, как «хорошее» или «плохое». Это видно уже по первым славянофильским работам, датированным рубежом 1830–1840-х гг. К примеру, А.С. Хомяков в статье «О старом и новом» создал такой образ императора: «Явился Петр, и, по какому-то странному инстинкту души высокой, обняв одним взглядом все болезни отечества, постигнув все прекрасное и святое значение слова государство, он ударил по России, как страшная, но благодетельная гроза. <...> Много ошибок помрачают славу преобразователя России, но ему остается честь пробуждения ее к силе и к сознанию силы. Средства, им употребленные, были грубые и вещественные; но не забудем, что силы духовные принадлежат народу и церкви, а не правительству; правительству же предоставлено только пробуждать или убивать их деятельность каким-то насильем» [2].

В такой же диалектической манере судил о деяниях царя-реформатора в 1855 г. И.В. Киреевский. Он писал: «Произошел тяжелый переворот Петра. <...> Но сердце России не изменилось, и народ ее живет еще прежним духом. Потому и образованность чужеземная *может* и для спасения России *должна* переработаться в ней

согласно ее основному началу» [3]. Похожим образом рассуждал в 1841 г. даже В.Г. Белинский, воинственный оппонент славянофилов, в статье «Россия до Петра Великого»*, когда подчеркивал: «Преобразование Петра Великого и введенный им европеизм несколько не изменили и не могли изменить нашей народности, но только оживили ее духом новой и богатейшей жизни и дали ей необъятную сферу для проявления и деятельности» [4].

Наибольшего антагониста петровских реформ среди славянофилов чаще всего видят в К.С. Аксакове, который в 1845–1846 гг. в диссертации «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» рассматривал противостояние Петра I и прежней Руси стрельцов и староверов как борьбу двух односторонних начал. Он объяснял: «Односторонность есть рычаг истории. <...> Петр должен был начать с отрицания совершенно полного; и если национальность в тот момент явилась перед ним, как одна сторона, то и он, как одна сторона, односторонне должен был сначала встать на нее» [5].

В петровских реформах Аксаков видел «дело отрицания чистого, но необходимого, не мертвого, а плодотворного в общем развитии» [6]. Однако о том же рассуждал А.И. Герцен. В неопубликованной статье 1833 г. он писал: «Петр, как все революции, был исключительно, односторонне предан одной идее и ее развивал всеми средствами, даже доходил до жестокостей, так, как Реформация, как французский Конвент». Разумеется, Герцен не отрицал плодотворности усилий Петра, который «выдвинул отсталую часть Европы, и она, быстро развиваясь, устремилась за старшими братьями» [7]. Однако такой подход выглядел как излишне усложненный и противоречивый в сравнении с трактовками деяний Петра I, которые предлагали представители власти и многие западники. Если власть видела в Петре I символ современной ей государственности, то для западников, особенно в ситуации полемики, образ императора-реформатора служил символом европеизированной русской культуры (пример – «великий человек», кинувший нам «плащ цивилизации», из первого «Философического письма» Чаадаева [8]). Символ же по самой природе своей не допускает амбивалентности и противоречий.

К.С. Аксаков, описывая петербургский период как время «полной подражательности иностранному», утверждал: «Ни один

* Название статьи <Россия до Петра Великого> в оригинале приведено в угловых скобках, поскольку именно так указано в Академическом собрании сочинений. Это означает, что название не авторское, а дано редакторами.

народ не отваживался на такое решительное, совершенное, строгое отрицание своей национальности, и потому ни один народ не может иметь такого общего, всемирно-человеческого значения, как русский» [9].

Последние слова – словно эскиз будущей финальной части Пушкинской речи Ф.М. Достоевского, где тот настаивал, что русский народ принял петровскую реформу, «ощутив своим предчувствием почти тотчас же некоторую дальнейшую, несравненно более высшую цель, чем ближайший утилитаризм». И, как продолжал свою мысль писатель, «мы разом устремились тогда к самому жизненному воссоединению, к единению всечеловеческому! <...> Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком» [10]. Позиция Достоевского примечательна тем, что и в 1860-е гг., и в выступлении на Пушкинском празднике 1880 г. он стремился добиться сближения двух враждующих лагерей. Однако такая трактовка «всечеловечества» все же не была воспринята западниками.

И все же порой ошутимая (хотя и не полная) близость суждений о петровских реформах славянофилов и западников не способствовала взаимопониманию. Более того, в 1842 г. со страниц журнала «Отечественные записки», в первую очередь, усилиями Белинского, была развернута кампания по дискредитации славянофилов. Правда, в ту пору молодой критик навешивал ярлык «славянофилы» не только на окружение Хомякова и Киреевского, но и на всех, связанных с журналом «Москвитянин», начиная с М.П. Погодина и С.П. Шевырѐва, и не связанных с ним, таких как Ф.Л. Морозкин и Н.В. Савельев-Ростиславич [11]. Да и прежде этого, в 1841 г., в статье «Россия до Петра Великого» Белинский высмеивал славянофилов, именуя их «нашими квасными патриотами». Он считал, что те любят «делать упреки равнодушию, с которым мы, русские, расстаемся с преданиями нашей длиннополой старины, и охотности, с которою мы принимаем и усваиваем все новое» [12].

В финале той же статьи Белинский заявлял: «Созерцание всякого великого человека <...> возвышает наш дух к началу всяческой жизни, к источнику вечной правды и вечного блага... А кто же более нашего Петра имеет право на титул великого и божественного и кто же из героев нашей истории может быть ближе к нашему сердцу и духу?..» [13]. Такой односторонний, апологетический взгляд на первого российского императора вполне отвечал стремлениям власти, пытавшейся превратить его в сакральную

фигуру. Ведь и Николай I, запрещая публикацию трагедии Погодина «Петр I», так объяснил свое решение: «Память Петра Великого должна быть для нас так священна, что я нахожу неприличным представлять его на сцене, а потому и к напечатанию эта трагедия не может быть дозволена» [14].

Полемику со славянофилами Белинский продолжил и далее. В 1847 г., уже со страниц журнала «Современник» он высказал в их адрес ряд упреков: «Неужели славянофилы правы и реформа Петра Великого только лишила нас народности и сделала междоумками? И неужели они правы, говоря, что нам надо воротиться к общественному устройству и нравам времен не то баснословного Гостомысла, не то царя Алексея Михайловича (насчет этого сами господа славянофилы еще не условились между собою)?..» [15].

Эта и другие сентенции Белинского вызвали возражения Ю.Ф. Самарина, который в тот же год со страниц «Москвитянина» заявил: «Система спора, принятая критиком в отношении к славянофилам, так удобна, что действительно трудно от нее отказаться. Обыкновенно он навязывает им то, чего они никогда не говорили, а потом опровергает их тем, что они первые сказали» [16].

В заключение статьи, резюмируя свои рассуждения, Самарин привел ряд тезисов Белинского, часть из которых славянофилы «первые пустили в ход, а других никогда не думали отвергать»:

«Россия изжила эпоху преобразования, и для нее настало время развиваться самобытно, из самой себя.

Миновать эпоху преобразования, перескочить за нее нельзя.

Реформа Петра не могла быть случайна.

Пора нам перестать *казаться* и начать *быть*; пора уважать и любить только человеческое и отвергать все, в чем нет человеческого, будь оно европейское или азиатское.

Крепкое политическое и государственное устройство есть ручательство за внутреннюю силу народа.

Смирение и любовь суть свойства человеческой природы вообще» [17].

Таким образом, ряд искусственно мифологизированных представлений о славянофилах и их отношении к Петру I был создан и растиражирован их противниками в условиях все нарастающей общественно-политической конфронтации. При этом особую активность и изобретательность в обвинениях проявил Белинский. Вероятнее всего, резкие нападки на славянофилов он предпринимал по подсказкам III отделения: критик был близко знаком с несколькими крупными чиновниками этого ведомства [18], и известно, что позднее, в 1847 г., оно давало прямые указания издателю

«Отечественных записок» А.А. Краевскому об «опровержении славянофильских бредней» [19].

Представления Белинского были усвоены его младшими современниками и, более того, вошли в научный оборот. Недавний пример – совершенно искаженное изложение взглядов славянофилов в томе «Всемирной истории», посвященном XIX в., где, в частности, говорится: «Весь период русской истории от Петра до современной им России славянофилы считали чудовищной ошибкой, исторической случайностью, произошедшей по воле одного человека. Петр выбил Россию из предназначенной ей колеи исторического развития, а, следовательно, принцип историзма, признающий необходимость и закономерность каждого этапа исторического развития, в данном случае не работает. Поэтому все еще можно изменить и вернуть на круги своя» [20].

Возникший в середине XIX в. миф о славянофилах оказался настолько жизнестоек (иначе говоря, востребован в определенной части общества), что современные ученые, забыв о необходимости критического анализа источников, повторяют и тиражируют его, дополняя новыми подробностями.

1. Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма : в 2 т. Москва, 1991. Т. 1. С. 530.
2. Хомяков А.С. Сочинения : в 2 т. Москва, 1994. Т. 1. С. 468–469.
3. Киреевский И.В., Киреевский П.В. Полн. собр. соч. : в 4 т. Калуга, 2006. Т. 1. С. 144.
4. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. Москва, 1954. Т. 1. С. 121.
5. Аксаков К.С. Полн. собр. соч. Москва, 1875. Т. 2. С. 66.
6. Там же.
7. Герцен А.И. Полн. собр. соч. : в 30 т. Москва, 1954. Т. 1. С. 29–30, 33.
8. Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. ... Т. 2. С. 330.
9. Аксаков К.С. Полн. собр. соч. ... Т. 2. С. 68–69.
10. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Ленинград, 1984. Т. 26. С. 147.
11. Цимбаев Н.И. Славянофильство: Из истории русской общественной мысли XIX века. Москва, 2013. С. 31–34.
12. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. ... Т. 5. С. 127.
13. Там же. С. 152.
14. Дмитриев М.М. Главы из воспоминаний моей жизни. Москва, 1998. С. 336.
15. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. ... Т. 10. С. 19.
16. Самарин Ю.Ф. Собр. соч. : в 5 т. Санкт-Петербург, 2013. Т. 1. С. 145.
17. Там же.
18. Бадалян Д.А. В.Г. Белинский-публицист: метаморфозы в борьбе литературных партий // Русская публицистика: эволюция идей и форм : сб. статей. Санкт-Петербург, 2021. С. 98–105.
19. Журнал докладов государю императору... // ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1847. Д. 81. Ч. 19. Л. 101, 102.
20. Всемирная история : в 6 т. Москва, 2014. Т. 5 : Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации. С. 464.